

ПРИМАДОННА

Небезымянная звезда

Сегодня у Нины Ольхиной - день рождения

Смелая - с 170 - 1996 - 10 окт. - с 5

ТОГДА ее портреты висели на Невском, и люди спешили в театр на Фонтанке, чтобы увидеть актрису живьем, услышать ее виолончельный голос...

НЕМЫСЛИМО тоненькая, синеокая, светловолосая, она пела: "Он говорил мне: "Будь ты моею..." - и зал цепенел. До трепетной Ларисы, "бесприданницы", по замыслу режиссера никто на сцене по ходу действия не имел права дотрагиваться: "Потому что она - не предмет купли-продажи. Идет торг, а она - в стороне..." Еще режиссер распорядился, чтобы актриса уже даже на читке пьесы была затянута в корсет. Все ахнули: "Какой корсет? У нее же талия - 58!" Режиссер пояснил: "Мне нужен четкий графический силуэт, нужна особая стать". Так и осталась у нее эта "стать" на всю жизнь... И не ведали зрители "Бесприданницы", что в этом же корсете она хранила еще и бесценный талисман: изящный серебряный футляр с визитными карточками... Комиссаржевской. Когда-то Вера Федоровна подарила их певице Зое Лодий, а та - счастливой юной премьерше...

А что у юной премьерши было в прошлом? Расстрелянный в тридцать седьмом отец, погибшие в блокаду родственники. И учитель математики, который просил их еле слышно: "Дети, пожалуйста, запоминайте, как доказывать эту теорему, с первого раза. Потому что на второй раз сил у меня уже нет..." Скоро он умер прямо на уроке... Сама вышла чудом - может, помогли "Сильва", "Марица" и другие светлые мгновения в стылых стенах Александринки... Школу закончила в сорок третьем, а тут как раз Большой драматический из эвакуации возвратил-

ся, и там открывалась школа-студия. Ее, как и всех студийцев, зачислили сразу во вспомогательный состав - это кроме участия в спектаклях давало право еще и на "рабочую карточку". Но главное: их здесь любили, все - от Ольги Георгиевны Казико до Ефима Захаровича Копеляна...

Однажды, прервав монолог короля Лира, на сцену вдруг ворвался худрук Лев Сергеевич Рудник и крикнул сквозь слезы: "Ленинград полностью освобожден от проклятой блокады!" Что тут началось: рыдали от счастья и актеры, и зрители...

А потом она играла очень много, порой за месяц - двадцать восемь спектаклей: то - искрящаяся юным максимализмом Надя в горьковских "Врагах"; то - прелестная донья Мария (зрители на "Девушку с кувшином" тогда, сразу после войны, когда жилось всем еще ой как плохо, буквально ломились - им очень нужен был этот яркий спектакль, его ослепительные краски, его бурные чувства!); то - кокетливо-мечтательная Ксения в "Разломе"...

И вот она уже - лауреат Сталинской премии, а вскоре - и заслуженная... Но что значат все звания и награды, коли ты и так отмечена божьей милостью, и так молода, красива, талантлива... И, например, выход твоей королевы Марии Нейбургской в "Рюи Блазе" заставлял зал замирать.

Так же было и в "Безымянной звезде". Ее Монна действительно казалась звездой, вдруг воссиявшей на унылом полустанке: ослепительно светились и парча ее платья, и обнаженные плечи, и водопад пышных волос...

Это было уже при Товстоногове.

И Клея в "Лисе и винограде" казалась ожившей античной статуей: умная, холодно-ироничная, она была воистину божественна... А Настасью Филипповну в "Идиоте" играла трудно, потому что та - не добра, мучи-

В своем корсете она хранила бесценный талисман - серебряный футляр с визитными карточками Комиссаржевской

тельница. И про Надежду Монахову в "Варварах", когда ей сначала предложили эту "премьерную" роль, тоже сказала: "Это - не мое. А вот Лидия Богаевская - мое". И сыграла ее - да так, что мы сразу ощутили в Лидии и ум, и иронию, и энергию, и породу...

Были другие роли, лучше-хуже, но Боже мой, сколько же не сыграно!...

Этому, единственному в своей жизни, театру отдала она более полувек. Здесь ей выпало счастье оказаться рядом на сцене с дивными людьми: от самых первых, замечательных партнеров (Грановская, Сафронов, Ларионов, Полицеймако) до - как она их называла - "Паши" (Луспекаева), "Кеши" (Смоктунского), "Вади" (Медведева), "Стрижуни" (Стрельчика), "Юры" (Демича) - их, увы, уже тоже нет

на земле...

А еще была в БДТ хорошая актриса - Анна Борисовна Никритина, а у нее - муж: поэт Анатолий Борисович Мариенгоф, которые вскоре после премьеры "Бесприданницы" стали для нашей героини как бы второй семьей. И встречала она в этом доме Ахматову и Зощенко, Шкловского и Эрдмана, Козакова и Тышлера, Андроникова и Эйхенбаума... Как-то пришла к Эйхенбауму и видит: стоит Борис Михайлович, опираясь на палочку, у радиолы, на которой крутится пластинка с записью Баха, и самозабвенно сам себе дирижует... Вот какие люди с юности определили ее вкусы, ее интересы, ее уровень...

Однажды пришло письмо: "... Моя любовь давняя. Еще с галерки, еще с "Бесприданни-

цы", с первых спектаклей "Лисы". Потом влюбленность издали подкрепила дружбой вблизи... Я ищу слово - Слово о Тебе. Оно почти нашлось. Это слово - нежность, женственность. Ты владеешь ею. Ты это играешь всю жизнь...

Сергей Юрский".

Когда-то Кнуров говорил ее Ларисе: "Велико наслаждение видеть вас, а еще большее наслаждение слышать вас..." А разве к самой актрисе это не относится? И как жаль, что так мало играет она сейчас...

Помните: в одном из давних спектаклей была она "безымянной звездой". Но сама-то она - звезда совсем не безымянная!

Ее зовут - НИНА ОЛЬХИНА...

Лев СИДОРОВСКИЙ

